

АЛЕКСАНДР БАРСКОВ

ДОЛГ ДРУЖБЫ

Александр Барсков

Долг дружбы

«Издательские решения»

Барсков А.

Долг дружбы / А. Барсков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837344-2

Вторая половина XIX века, время, когда жизнь человека стоит так мало и так трудно оставаться честным, человеческим и благородным. Дикий Билл Хикок — один из легендарных персонажей того времени, но кем он был на самом деле: бандитом и убийцей или же, наоборот, порядочным человеком и блюстителем закона? Близкий друг Хикока, спустя много лет после его смерти, решил оправдать своего друга, подробно рассказав о жизни Дикого Билла...

ISBN 978-5-44-837344-2

© Барсков А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	17
ГЛАВА IV	23
ГЛАВА V	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Долг дружбы

Александр Барсков

© Александр Барсков, 2019

ISBN 978-5-4483-7344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из воспоминаний Ч.Г.Аттера

В последнее время я все чаще и чаще сталкиваюсь с не очень хорошими слухами и историями, которые связаны с моим другом, ныне покойным Джеймсом Хикоком. Он рано стал знаменитостью, но слава, как известно неверная подруга и вместе со всем тем, что было правдой, причем именно она прославила его, уже после его смерти некоторые стали говорить, что он был самым обыкновенным преступником, что его нужно было повесить и все такое прочее. Я сам допускаю, что он не всегда поступал гуманно, но мой язык никогда в жизни не повернется назвать Хикока убийцей. Я знал его на протяжении шестнадцати лет и уверенностью могу сказать, что более смелого, благородного и честного человека трудно себе представить. Он всегда действовал во благо людям, не ставил себя выше других, никогда не врал, а при разговоре всегда смотрел своему собеседнику прямо в глаза.

Да, за свою жизнь Хикок убил немало людей, но почти все они были отъявленными негодьями, и я не ошибусь, сказав, что если бы не Джеймс, то от рук убитых им преступников, скончалось бы немало обычных людей.

На моей памяти он трижды раскаялся в содеянных им грехах, и если один из них Хикок забыл довольно быстро, то два других он нес тяжким бременем до самой смерти, которая возможно принесла его душе облегчение.

У него было немало друзей, и я с большой гордостью могу назвать себя одним из самых близких Хикоку людей, хотя могу ошибаться. Спустя некоторое время после его смерти я узнал о женщине, которую он сильно любил. Вчера же мне стало известно о смерти одной моей старой знакомой, и в моей памяти всплыли события тех лет.

Я смог зажить нормально, завести, а впоследствии и содержать семью во многом благодаря Джеймсу Хикоку. Именно ему я обязан тем, что живу сейчас в особняке в пригороде Лондона и радуюсь той жизни, что мне подарил Господь и Джеймс Хикок.

Именно поэтому я считаю своим долгом рассказать о нем всю правду, о том что он был хорошим человеком, ведь из ныне живущих пожалуй я один могу поведать наиболее точно о жизни Хикока без домыслов и преувеличений, назло людям, желающим опорочить его имя, толком о нем ничего не зная.

Итак, Вы, дорогой читатель, прочтя мое повествование, сможете построить собственное мнение о Хикоке. Я же, до конца своих дней буду всегда стоять за него, и буду считать его главным добродетелем своей жизни.

05.08.1903

ГЛАВА I

«„Безупречность и счастье нашей жизни в значительной степени зависит от разумного выбора нами товарищей и друзей. Если они плохо выбраны, то могут довести нас до падения; если же они хороши, то могут возвысить нас“» Д. ЛЕББОК

Впервые я встретил Джеймса Хикока в конце марта 1860 года, милях в двадцати от Сент-Джозефа в Миссури, но до того как подробнее на этом остановиться я должен рассказать немного о себе.

Мой отец Грегори Аттер был владельцем достаточно крупной фермы в Айове. Он был известным в округе человеком и надо сказать вполне состоятельным. Отец принадлежал к тому числу людей, которые считают, что знания никогда и ни кому не помешают. Помимо школы я получал образование еще и дома, и отец уже хотел отправить меня учиться в Англию, в Кембридж, или Оксфорд, но его внезапная смерть обрушила все планы. Это случилось, когда мне было семнадцать лет, а так как матери своей я не знал, она скончалась сразу после моего рождения, я остался сиротой. Продолжать вести фермерское дело отца я не хотел и намеревался продать участок, но случилось еще одно несчастье: пожар уничтожил практически всю ферму. Землю я продал за небольшую сумму, которой мне хватило буквально на месяц. Я принялся искать себе работу, и тут мне впервые со смерти отца повезло: я встретил друга своего детства Майка Уильямса, который также как и я остался без семьи, и как выяснилось, стал ковбоем. Затем его кто-то приметил как очень хорошего наездника, и пригласили занять очень выгодной должности почтовым курьером в недавно открывшейся организации «Пони-Экспресс». Узнав о моем положении, он позвал меня с собой, пообещав, что будет делить со мной деньги, пока я не подыщу себе работу.

Курьеры отправлялись из Сент-Джозефа третьего апреля, и мы поехали напрямик туда. Когда до конечной точки оставалось порядка двадцати миль, повсюду кругом стемнело. Решив подождать до утра, мы остановились у небольшого заброшенного ранчо, привязали лошадей к забору и, взгромоздившись на сеновал, заснули, утомленные дорогой и жарой, стоявшей на протяжении последних двух суток. Однако посреди ночи меня разбудил громкий цокот копыт. Проснувшись, я протер глаза и, вскочив на ноги, стал осматриваться по сторонам. На дороге, ярдах в тридцати, я заметил всадника. В темноте подробностей разобрать было нельзя, но мне, почему то казалось, что этот человек смотрит прямо на меня. Тут незнакомец спешился и пошел по направлению к нам. Я разбудил Майка и в двух словах все ему описал. Он встал и, вытащив револьвер, спрыгнул на землю. Незнакомец был уже ярдах в пятнадцати, Майк хотел было что-то крикнуть ему, но тут раздался спокойный громкий голос:

– Эй, Уильямс, опусти револьвер, неужели не узнал меня?

Я увидел, как опустилась рука Майка, на лице проступила улыбка, и он с облегчением произнес:

– Билл, черт возьми, это ты?

– Зачем задавать вопросы, на которые заранее знаешь ответ? – вопросом на вопрос ответил незнакомец.

– Но как ты узнал, что это я? Клянусь, я только сейчас разглядел твое лицо.

Незнакомец подошел к нам на расстояние вытянутой руки и при лунном свете я смог его осмотреть.

Роста он был футов шесть с небольшим, широкоплечий, довольно изящно сложенный. Длинные русые волосы были опущены до плеч. Также он носил весьма примечательные усы, длинные, аккуратные, спадавшие чуть ниже его высокого подбородка. Нос небольшой, с горбинкой, глаза узкие, взгляд очень острый, пронизательный. На нем была коричневая куртка,

одетая поверх жилета и более светлого, чем куртка цвета брюки. На одном из ремней с разных сторон висели две кобуры. Голову украшала широкополая черная шляпа. На вид ему можно было дать лет двадцать пять.

– Я узнал твою лошадь, кажется, ее зовут Цирцея, – ответил незнакомец, – столько лет прошло, а она все тебе служит.

– Да, – сказал Майк и обратился ко мне, – я, кажется, не рассказывал тебе о Диком Билле?

– Нет, но это имя я вроде бы где-то слышал. Постой, ты имеешь в виду, Дикого Билла Хикока?

– Еще бы оно тебе было не знакомо! Многие газеты об этом писали. Два года назад в Ливингуорсе застрелил пятерых бандитов. И как ты возможно уже догадался, Чарли, перед тобой Дикий Билл Хикок собственной персоной.

– Я Чарли Аттер, – представился я, пожимая руку Билла, кисть которой оказалась маленькой, как у женщины.

– Мы вместе служили у генерала Джеймса Лейна, там и познакомились, – продолжал Майк, – но мне помнится мы расстались, когда ты устроился констеблем в Монтиселло. Что же привело тебя сюда, Билл?

– Ты ведь знаешь, я не люблю долго сидеть на одном месте, тем более в таком как этот Монтиселло. Скучно и тупо, изо дня в день, одно, и то же. Потом я где только не был, особенно, как ты сказал Майк, мне запомнился Ливингуорс. В конце концов, несколько дней назад мне пришло письмо от Бенджамина Фиклина, которому кто-то порекомендовал меня, как хорошего наездника, и теперь мне предлагают занять место курьера в какой-то организации Пони-Экспресс. Вы слышали о ней?

Это совпадение было просто невероятным. Но мне трудно предположить, как сложилась бы моя жизнь, если его вдруг не случилось.

– Мы сейчас туда и направляемся! – удивленно сказал Майк, – а я получил точно такое же письмо.

Билл улыбнулся и посмотрел на нас.

– Правда? Вот здорово! Уж не надеялся, что наши пути снова пересекутся, Уильямс. Но это случилось, что же, отлично. Тогда я поеду, а через три дня, или даже меньше, мы встретимся в Сент-Джозефе. Там есть замечательный салун Джо Скотланда, где вы сможете пожить несколько дней, Я буду вас там ждать, если приеду первым.

– Так что же, ты не составишь нам сейчас компанию?

– Нет, нет, Майк, меня ждут кое-какие дела по пути.

По лицу моего друга я понял, что уговаривать Билла бесполезно. Попрошавшись с нами, Хикок вскочил на своего коня и вскоре скрылся в ночной темноте.

Так я впервые встретил Дикого Билла Хикока.

* * *

Утром мы медленно плелись по знойной жаре вдоль пыльной дороги. Лошади еле передвигали ноги, а по нам ручьями стекал пот. По сторонам тянулся унылый пейзаж, за время пути нам никого не встретилось. К полудню мы прошли около пяти миль и оказались у небольшой речки. Искупавшись прямо в одежде, и дав лошадям напиться, мы вновь двинулись в путь, и ехать стало заметно легче. Тогда Майк и рассказал мне все, что знал о Диком Билле.

– Он мне про себя рассказывал и довольно много. Родился он в 1837 году в Иллинойсе, в небольшом городке Хомере. Про семью свою он говорил совсем мало. Кажется, его отец был священником пресвитерианской церкви, это все, что я знал. Самому Биллу с ранних лет приходилось несладко. Недалеко от его дома проходил перевалочный пункт, где тайно переправляли освобожденных рабов с юга на север и Билл с его отцом-священником нередко вступали в перестрелки с южанами. Думаю, именно в детстве он научился так хорошо стрелять. Еще бы,

ведь его собственное оружие появилось у него в четырнадцать лет! В школе учился он плохо, а вскоре, уже после смерти отца, во время одной драки подумал, что насмерть избил одного молодчика и, испугавшись, бежал в Канзас. Потом выяснилось, что тот парень выжил, хоть и получил серьезные травмы. Билл открыл свою ферму, на деньги, завещанные ему отцом. Вскоре ему это надоело, и он записывается добровольцем в отряд борьбы против рабства. Там мы и познакомились. Было это примерно три года назад. Затем мы ушли из отряда и переселились на время в Додж-Сити. Его настоящее имя Джеймс Батлер Хикок и как раз тогда он поменял себе имя на Дикий Билл. Прозвище Дикий получил за то, что всегда побеждал в драках и нередко калечил своих соперников. Затем он стал констеблем в небольшом городке Монтиселло, но ты сам слышал, что он не любит долго задерживаться на одном месте. Мне кажется, что цель жизни Хикока это уничтожение всевозможного зла с лица нашей планеты. Да, человек он слегка странный. Я никогда не встречал людей настолько непредсказуемых и безбашенных! Год спустя я о нем услышал. В Ливингуорсе Билл хладнокровно расправился с пятью бандитами, которые собирались ограбить банк. В Ливингуорсе я о нем ничего разузнать не смог. Один мальчик сказал, что мистер Утка пробыл здесь неделю, а после расправы с грабителями сразу уехал. Мистер Утка это из-за приподнятой верхней губы, видел? Жутко ему не нравилось это прозвище, буквально из себя выходил, а злить такого человека как Билл очень опасно. И вчера как ты понял, мы встретились впервые за три года. Но я тебе вот что скажу Чарли, человек то он хоть и странный, но я за ним и в огонь и в воду. Когда рядом с ним чувствуешь себя спокойнее, уверенней, страха нет, что бы вокруг не происходило.

Тем временем мы уже подъехали к городу. Чуть поодаль виднелась церковь, окна домов сверкали на солнце. Вскоре мы оказались в городе. Найти салун Джо Скотланда оказалось не трудно. Отведя лошадей в конюшню, мы вошли в помещение. Там находилось всего два человека: мужчина лет сорока с хитрым лицом и индеец, который сидел за столом, курил длинную глиняную трубку и что-то пил из стакана. Как только мы вошли, бармен тут же подозвал нас к себе.

– Вы, джентльмены, мистер Уильямс и мистер Аттер?

Мы кивнули ему.

– Мистер Хикок сказал, что вы приедете. Меня зовут Джо Скотланд, вот ключи от ваших комнат, если что-то понадобится обращайтесь, а главное не беспокойтесь о деньгах.

– Почему это? – спросил Майк.

– Дикий Билл один раз сильно мне помог. Его друзья – мои друзья.

Все убранство комнаты составляли кровать, тумба около нее и большой платяной шкаф. Обои в некоторых местах были порваны, а штукатурка кое-где осыпалась. Через час любезный хозяин салуна принес мне холодный ужин и стакан бренди. Все это я с превеликим удовольствием съел и почувствовал, что хороший сон в нормальной постели мне сейчас очень нужен. Я лег и практически сразу заснул.

Проснулся я от того, что громко хлопнула дверь. Открыв глаза, я увидел Майка. Он был чем-то очень доволен.

– Проснулся?

Я посмотрел на часы. Было около полуночи.

– Вставай, Билл приехал.

Уже на лестнице я услышал громкие звуки снизу. Я глянул туда. В отличие от дня, весь салун был просто забит людьми, причем довольно сомнительного вида. Здесь сидели несколько габаритных мужиков, от которых было больше всего шума, подозрительного вида мужчина сидел один за угловым столиком и курил, молодая девушка в неприлично коротком синем платье стояла у барной стойки. Всего здесь собралось человек двадцать, две трети курили и требовали выпивки. Тут я заметил человека, стоявшего рядом со Скотландом. Это был Хикок. Он стоял, засунув руки в карманы, и при нашем появлении улыбнулся и подозвал к себе.

– Добрый вечер Аттер, – мы пожали руки.– Еще по рюмочке, Майк?

– Не отказался бы, – ответил тот.

– И вы присоединяйтесь, Аттер. У мистера Скотланда превосходный виски.

Тут один из ковбоев, сильно перебравший, схватил бутылку и ударил ею по голове своего приятеля. Бутылка разбилась, а бедняга плавно съехал под стол. Большинство присутствующих разразились громким хохотом.

– Так ведь и убить можно! – сказал Майк.

– Да, – согласился Скотланд, – раз-два в месяц у нас случается нечто подобное, только с летальным исходом. Стрельба тоже бывает, но к счастью очень редко.

– В Канзасе и на юге Миссури все гораздо хуже, – заверил Билл.

Я смотрел на все это с неодобрением.

– Тебе тут не нравится, Аттер? – спросил Хикок.

Я не ответил.

– Я привел вас с Уильямсом именно сюда, потому что, во-первых, вам здесь ни за что не придется платить, а это весьма удобно, во-вторых, же это один из лучших салунов Сент-Джозефа.

Тут меня поразила одна вещь. Я заметил это еще при первой встрече с Биллом, но сейчас я понял, что это происходит всегда. Когда Хикок с кем-либо разговаривает, он всегда смотрит собеседнику прямо в глаза. Меня это немного поразило. Не очень удобно говорить, когда два пронизательных глаза буквально сверлят тебя насквозь. Не представляю себе человека, который осмелился бы, врать Хикоку в лицо.

Утром я проснулся с приличной головной болью. Вспомнив, как то Билл, то Скотланд все подливали в мой стакан, я решил, что теперь буду внимательнее. Когда пью с Хикоком.

Я успел одеться и выпить стакан воды, как в комнату вошел Майк. Нос его, видимо был сломан.

– Проснулся? А я не могу долго спать после такого.

– Что у тебя с носом?

Майк невесело улыбнулся.

– Откуда же я помню? Все чертов Скотланд со своим виски.

– Я не помню, чтобы тебе кто-то разбивал нос.

– О, Чарли ты рано ушел!

– А что было?

– Билл подрался и выкинул одного парня из салуна. А потом мне видимо и сломали нос.

Через минуту мы уже были внизу. В салуне велась уборка. Скотланд вытирал столы, а его помощник убирал пол от осколков. За одним из столов сидел Билл и ел яичницу с беконом. Его шляпа и куртка висели сзади на стуле. Мы подошли к нему и поздоровались.

– Не объяснишь мне, откуда у меня вот это? – спросил Майк, показывая на свой сломанный нос.

Билл на мгновение перестал жевать, и мне показалось, что он еле сдерживает смех.

– Так ты ничего не помнишь?

– В противном случае я бы тебя не спрашивал.

Билл вздохнул.

– Это я тебе его сломал, когда ты назвал меня идиотом. Согласен, я переборщил. Прости.

Таким вот образом, уважаемый читатель, в первой главе вы познакомились с Диким Биллом Хикоком. Я пытался рассказать вам о нем наиболее точно и кратко. Однако вскоре на нас троих обрушилось столько событий и приключений, что я не могу задерживаться на начальном этапе своего повествования, а буду двигаться дальше.

ГЛАВА II

«Смысл истинной дружбы в том, что радость она удваивает, а страдание делит пополам»
Д. АДДИСОН

Почтовую организацию Пони-Экспресс создали в 1860 году Уильям Рассел и Бенджамин Фиклин. За очень короткое время они построили около сотни станций по разным маршрутам, главный из которых был Сент-Джозеф-Сакраменто. На каждой станции почтовый курьер брал себе свежую лошадь. Таким образом, Пони-Экспресс доставлял письма почти от Атлантики до тихоокеанского побережья буквально за десять дней.

Именно сюда мы втроем поступили работать. Третьего апреля состоялось открытие, и курьеры отправились из Сент-Джозефа в Сакраменто. Каждому выдали два револьвера, охотничий нож и главное сокровище: седельную сумку, или мочилу, которая перекидывалась через спину коня и состояла из двух отсеков. Весила мочила около двадцати фунтов, а в каждом из ее отсеков находилась по два кармана, застегивающиеся на замок. В мочиле находились все письма, а ключи от нее хранились только на каждом конце пути.

Благодаря тому, что за мной замолвили слово Билл и Майк, меня тоже взяли работать курьером.

Писем было много и третьего апреля из Сент-Джозефа одновременно выехали семнадцать курьеров. Каждому были даны краткие указания:

1. Задерживаться в пути нельзя.
2. На каждой станции курьер обязан менять лошадь, и может перекусить.
3. Мочилу с письмами курьер должен хранить, как самое большое сокровище.
4. Курьер не должен иметь при себе дорогих и ценных вещей, которые могут привлечь внимание бандитов.
5. Если что-то случается с лошадью, курьер обязан взять мочилу и дойти пешком до ближайшей станции.
6. Нельзя двигаться группами более чем два человека, каждый курьер должен ехать в меру возможностей своей лошади.
7. На каждой станции курьеру будут даны указания о дальнейшем пути, и он не имеет право сходить с указанной дороги»

Таковы были данные нам указания, и третьего апреля, в шесть часов вечера, семнадцать человек выехали из Сент-Джозефа по направлению к станции Бартсвилл-роуд-поинт, находившейся в тридцати милях к западу. Билл сразу же ускакал вперед на своем великолепном гнедом коне Леонарде, мы же с Уильямсом ехали примерно в центре, хоть и выжимали из своих коней все, на что те были способны.

К концу дня мы доехали до станции. Там перекусили, сменили лошадей и снова двинулись в путь, уже в ночь. Ярко светила луна, воздух был очень свеж, ехать легко и приятно. Ветер обдувал мне лицо, и я ощущал чувство безграничной свободы, которое до этого никогда в жизни не испытывал.

В среднем за день мы проезжали по 120—150 миль. Станции были довольно частыми, мы меняли лошадей не меньше чем три раза в день, и это способствовало очень быстрому передвижению. Через три с половиной дня мы доехали до самой крупной из станций на нашем маршруте – Лейквуд-бридж, которая находилась в нескольких милях от Денвера, одного из самых больших городов Центральных штатов. Там нам впервые за трое суток удалось поспать, правда, не очень долго. Уже через пять часов мы снова выехали, так как в указаниях любые задержки

были запрещены. Чем дальше на запад мы продвигались, тем становилось жарче, а вскоре началась унылая пустынная местность. Если раньше пейзажи были весьма разнообразны, то сейчас они стали невообразимо скучными и неприветливыми. Вдоль дороги тянулись равнины с редким невысоким кустарником, а также голые песчаные выступы и так на многие мили вокруг. Лишь далеко на западе виднелись белые макушки Скалистых гор. Однако горы были так далеки, что почти сливались с небом, поэтому если не вглядываться, то снежные вершины могли показаться просто облаками.

Признаков присутствия человека, кроме следов лошадиных копыт и редких указательных табличек не было.

Проехав еще миль шесть, мы достигли очередной станции, где поужинали и сменили лошадей.

Вскоре пустынная местность закончилась, и мы вступили на самый трудный участок пути – горную местность. Дороги почти не было, лошади постоянно спотыкались. Порывы ледяного ветра стали пробираться насквозь и еще ко всему этому наступила ночь.

Преодолеть горы мы с большим трудом смогли. На шестой день пути около полудня мы пересекли реку Грин-ривер, поменяв лошадей, и хорошенько выспавшись на одноименной станции, мы двинулись в финальный отрезок пути с новыми силами.

Про Хикока мы вспоминали лишь изредка и были уверены, что он находится уже в двух днях пути от Сакраменто. Однако вечером того же дня нам пришлось о нем вспомнить при следующих обстоятельствах.

От станции Грин-ривер мы проехали миль двадцать. Местность все еще была гористая, растительность была также скудна. Вдруг, метрах в двухстах впереди мы что-то заметили. Был закат и солнце светило прямо нам в глаза, поэтому разобрать что это, было невозможно, но когда мы подъехали ближе, все прояснилось, однако только отчасти.

На земле лежала мертвая лошадь. Что стало причиной ее смерти, с первого взгляда нам разъяснить не удалось. Чуть поодаль лежало трое индейцев, так же все мертвые. Один был убит ножом, двое застрелены. Внезапно Майк постучал меня по плечу.

– Что?

– Смотри, – он указал пальцем налево. Там метрах в пятидесяти лежала еще одна масса.

Подойдя к тому месту, мы увидели еще одну мертвую лошадь, а под ней, придавленный, лежал индеец. На вопрос кто мог устроить такую страшную бойню, я тут же сам себе и ответил.

– Как ты думаешь, Майк, не мог ли это быть Хикок.

– Билл? Нет, не думаю. Мне кажется он сейчас милях в двухстах отсюда.

– А вдруг он задержался? Взял на станции медленную лошадь, или загнал ее.

– Нет, Чарли. Хикок не мог выбрать медленную лошадь. Поверь, он разбирается в лошадях, лучше всех кого я знаю, Бьюсь об заклад, на каждой станции Хикок брал лучшую из лошадей, что там находилась. Да и загнать ее он не мог, нам ведь по дороге сюда не встретилось ни одной мертвой лошади.

Мы вернулись к трем индейцам и принялись осматривать первого мертвого скакуна. Принадлежал он явно не индейцу. Об этом свидетельствовали лассо и пончо, прикрепленные к седлу.

– Все это случилось не больше часа назад, – заметил Майк, – иначе бы на трупы слетелись грифы и сбежались койоты.

– Где же тогда всадник этой лошади?

– Взял одну из индейских лошадей и поехал своей дорогой.

– А если он ранен и не в состоянии сесть на лошадь?

– Я тебя понял, Чарли. Если ты думаешь что это один из курьеров, то, как бы он не был сильно ранен, мы его догоним.

На самом деле меня не оставляло чувство беспокойства за Билла, к которому за время нашего не долгого знакомства я уже успел привязаться.

Майк оказался прав. Проскакав всего около мили, мы в сгущавшихся сумерках, увидели силуэт человека, шедшего к нам спиной. На плечах он нес что-то объемистое. Подъехав поближе, мы увидели, что это мочила. Однако, человек несший ее был не Хикок. Услышав стук копыт, он обернулся и остановился.

Это был человек лет тридцати пяти с очень твердыми и грубыми чертами лица. На нем была белая ковбойская шляпа, белая рубашка, запачканная пылью и кровью. Темные брюки были порваны, а сапоги все в пыли. Он был вооружен, на ремне была кобура, а на другом боку висела наваха в ножнах.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, затем Майк спросил, указывая пальцем туда, где на некотором расстоянии лежали четверо убитых индейцев.

– Это ваших рук дело?

– Моих. Я вижу вы тоже курьеры?

– Да. А вы смелый человек. Как вас зовут?

– Фрэнк Вебнер.

– Вы ранены?

– Да. И что с того?

– Садитесь на лошадь, мы доведем вас до ближайшей станции.

– Вы вообще читали договор? Задержки в пути исключаются. Я должен пройти сам.

– Вы ранены. Это особый случай.

– Это мои проблемы, что я ранен.

– Тогда может мы доведем вашу мочилу до станции.

– А если с ней что-нибудь случится? Я ведь не могу вам доверять, так как мы совсем незнакомы.

– Можете, – немного нервно ответил Уильямс, – черт возьми, мы тут помочь пытаемся, а вы комедию ломаете!

Вебнер рассмеялся.

– Ну ладно! Вы хорошие парни. Ваше дело, берите мою мочилу, а в Сакраменто посидим, пропустим по рюмочке чего-нибудь за приятной беседой и узнаем побольше друг о друге. До встречи!

Мы пожелали удачи Вебнеру и, взяв его мочил, мы прищипорили коней и ускакали в темноту.

На ближайшей станции, до которой мы доехали в середине ночи, как всегда сменили коней и отдали мочилу Вебнера, и сказали, что ее надо отдать человеку, который ранен и придет сюда ближе к утру.

Остаток дороги прошел без приключений и на десятый день пути мы были прибыли в Сакраменто. На станции Сан-Андреас мы оставили свои мочилы второму главе Пони-экспресса Уильяму Расселу. Там же нас встретил Билл Хикок. Он пожал нам руки и сказал, что очень рад видеть нас целыми и здоровыми.

– Я прибыл сюда три дня назад, – сообщил он. – Первый день отсыпался, а второй охотился на горных козлов тут, неподалеку.

– А как ты добрался? – спросил Майк.

– Без происшествий. А вы?

Мы рассказали ему о встрече с Фрэнком Вебнером. Хикок очень заинтересовался этим человеком и захотел с ним познакомиться.

Я лег спать сразу после ужина. Устал я настолько, что уснул почти сейчас же и проспал около пятнадцати часов.

На следующий день приехал Вебнер. Его рана была очень серьезной, но, несмотря на это, он обещал встретиться с нами сразу, как отдохнет и выпится. Хикок сказал, что знает в городе хорошее место для встречи. Бар Салливана и Моргана, по его словам был отличным заведением.

Почтовый дилижанс с письмами, которые мы должны будем отвезти обратно в Сент-Джозеф, мог приехать не раньше чем через два дня, поэтому у нас было достаточно времени на отдых перед долгой обратной дорогой.

Вечером, пятнадцатого апреля, я, Хикок и Майк были в баре Салливана и Моргана. Это было достаточно обширное заведение, с большим выбором еды и спиртных напитков. Здесь было битком народу, а под потолком висел дым от трубок, папирос и сигар. Вскоре появился, слегка прихрамывая Вебнер. Мы обменялись рукопожатиями и представили ему Хикока. Найдя свободный столик, мы взяли по бокалу пива, и стали обмениваться впечатлениями, от прошедшей поездки. Затем Биллу захотелось узнать по больше, о встрече Вебнера с индейцами, и что он вообще за человек.

Фрэнку Вебнеру было тридцать три года, он родился и вырос в строгой пуританской семье на юго-востоке страны. Рано лишился родителей и стал собственным трудом зарабатывать себе на хлеб. Что только он не делал: работал на консервном заводе в Нью-Йорке, был матросом на пароходе «Джорджия», сопровождал экспедицию Александра Генри в Канаду. Затем перебрался на запад, где участвовал в родео, был ковбоем, а последние два года занимал должность маршала в городе Джиллет в Вайоминге. Это именно Вебнер поймал и засадил в тюрьму небезызвестного грабителя Гарри Бордьюэлла.

Мы сидели и разговаривали очень долго. Вскоре я почувствовал, что внимание мое ослабевает и что, я не в состоянии улавливать весь смысл слов моих собеседников. Тут же я заметил и то, что мой стакан с виски, пришедшему на смену пиву, волшебным образом пополняется, всякий раз, как я осушал его. Помня прошлый раз, когда мы с Хикоком пили за одним столом, я, сославшись на головную боль, попрощавшись со всеми, ушел на станцию.

Прошло пять месяцев. Со всеми нами все было в порядке. Узы дружбы, связывавшие меня с Диким Биллом Хикоком, необычайно сильно окрепли. Билл был весьма необычным человеком, и дело даже не в нем самом, не в его характере, внешности, или еще в чем либо. Не знаю, можно ли вообще назвать те вещи странностями. Я уже упоминал о его привычке постоянно смотреть собеседнику прямо в глаза. И он не отступил от нее до своего самого последнего дня. Так же в нем было очень много качеств, самых противоречивых и разнообразных, смесь которых в одном человеке казалась мне просто невозможной. Хикок был честнейшим человеком из всех кого я знал. За все время, что мы были с ним знакомы, он ни разу никому не врал, никого не обманывал и всегда выполнял свои обещания. Также, он был чрезвычайно смелым, и иногда его смелость доходила до безумия. Но факт остается фактом: никто из известных мне людей не отважился бы делать то, что делал Хикок, однако об этом потом.

При всем при этом, у Билла имелось достаточно отрицательных черт. Первое и, пожалуй, самое главное заключалось в его вспыльчивости и непредсказуемости. Он всегда вел себя по настроению. Если Хикок был не в духе, то вывести его из себя было самым пустяковым делом. Чаще всего он злился, когда люди угрожали ему, во всеуслышание говорили неправду или оскорбляли его самого и его друзей, а в гневе Билл иногда бывал даже жестоким.

Общаться с ним было очень интересно и приятно. Он был одним из тех людей, который почти сразу вызывает к себе расположение и доверие. Когда при разговоре с Хикоком возникали паузы, я не чувствовал никакой неловкости и неудобства, как это не раз случается в таких

ситуациях. Хикок не любил разглагольствовать, но любил слушать других, никогда при этом, не перебивая, даже если собеседник был мертвецки пьян и нес жуткую околесицу. Правда спорил он со всеми, по поводу и без. Причем, он был всегда уверен в своей правоте, и практически всегда споры с его участием заканчивались либо дракой, что было редко, либо тем, что споривший с Хикоком был подавлен его напором и уступал, что случалось чаще всего.

Хикок был старше меня всего на три года, но он знал о жизни настолько больше чем я, что мне порой казалось, будто разница в возрасте между нами не три, а, по меньшей мере, семь, или восемь лет.

Короче говоря, за эти пять с лишним месяцев, мы с Биллом Хикоком, стали хорошими друзьями. Мы шесть раз пересекали половину Америки, и каждый раз я узнавал что-то новое о своих товарищах. Фрэнк Вебнер стал нашим общим другом, но пересекались мы с ним редко, так как он предпочитал одиночество компании, пусть даже такой небольшой, как наша.

Однако все равно, иногда, к сожалению, иногда к счастью, всему на свете рано, или поздно приходит конец. К тому же мы с Майком стали замечать, что Биллу стали надоедать длинные и отнюдь не веселые путешествия на полторы тысячи миль. Как я уже упоминал, Хикок не выносил однообразия, ему нравилось, когда жизнь преподносила ему разные неожиданности, как правило, связанные с азартом, или риском. Да и я тоже был очень утомлен от нашей работы, хотя она и приносила довольно неплохие по тем временам деньги. Мы все понимали: для того, чтобы оставить Пони-Экспресс, был нужен какой-нибудь толчок. И этот самый толчок произошел, но не так как нам всем хотелось, ибо он обернулся очень неприятными последствиями.

Был конец октября. В последние две недели усилились дожди, и дороги, особенно в некоторых местах, стали просто непроходимыми. В Канзасе лошади постоянно увязали в грязи и поскальзывались. Мы проехали станцию Бартсвилл-роуд-поинт уже давно, и теперь находись на границе с Колорадо. Отъехав от очередной станции миль на пять, нам встретилась оседланная лошадь без всадника. Через седло была перекинута мочила, а о правый бок животного бился винчестер. Вела себя лошадь странно: хрипела, фыркала, и шла какой-то неровной поступью.

Помню, мы с Майком не стали разговаривать об увиденном, а просто поехали дальше. Ясное дело, если лошадь курьера так сильно напугана, а самого его нет в седле, то вряд ли курьеру удалось избежать неприятностей. Честно скажу, что от первых слов Майка я чуть не свалился с седла.

– Это винчестер Билла. Я узнал резьбу на прикладе.

Впоследствии мне не раз приходилось переживать за Билла. Несколько раз, он шел на такие вещи, которые Майк называл самоубийством от чужих рук. Однако, несмотря на огромную опасность ситуации, в моем подсознании всегда была мысль, что я зря волнуюсь за Хикока, ведь с ним просто не может произойти ничего плохо, и если удача благоволила ему до определенного момента, это вовсе не значит, что она отвернется от него на этот раз. И дело скорее не в удаче, или в везении, а в самом Билле, в его сущности, в его влиянии на окружающих его людей. Мое подсознание говорило мне так всегда, и всегда оно оказывалось право – Билл выходил сухим, или почти сухим из воды.

Итак, через три мили нам открылась следующая картина. С обеих сторон дороги тянулись невысокие скалы и хвойный лес, правда, слева он был ближе к дороге. На обочине, с левой стороны, лежал огромный бурый медведь, как выяснилось потом медведица. Она была мертва. Рядом с ней, на некотором возвышении лежал человек. Он лежал спиной к нам, но и я, и Майк сразу узнали Хикока.

Спешившись, мы поджали к нему и перевернули на спину. Я похолодел, увидев, в каком Билл ужасном состоянии. Все его лицо было в крови, от левого глаза до подбородка тянулся огромный отпечаток когтя. Одежда была местами порвана и испачкана кровью. На некотором расстоянии от него лежали револьвер и окровавленный нож. Кое-как усадив его, мы попытались сделать что могли, но эти усилия не принесли особого результата. Невооруженным глазом было видно, что раны очень тяжелые.

Самым трудным, оказалось, довезти Хикока до станции. Мы взгромоздили его на мою лошадь и стали очень медленно ехать обратно, потому что и мне и Майку приходилось удерживать Билла, что бы он не свалился на землю. По дороге нам встретился один из курьеров. Его помощь оказалась неоценимой, ведь дорога была каждая минута, а после таких ран и увечий выживают далеко не все.

На станции нам на встречу выбежал смотритель. Через окно он увидел, как мы везли Билла. Вчетвером мы донесли его до кровати. Когда помогший нам курьер поехал дальше, а смотритель ходил за аптечкой, Хикок, наконец, пришел в сознание. Мы с Майком облегченно вздохнули, когда он заговорил.

– Слава Богу, вы меня подобрали. Езжайте без меня дальше. Думаю, меня тут подлатают, а потом, – он прервался и глубоко вздохнул, Майк аккуратно дотронулся до его плеча и хотел что-то сказать, но Билл продолжил, – потом, меня отправят на лечение в крупный город, раны то тяжелые. Когда вы вернетесь в Сент-Джозеф, вас там будет ждать письмо, куда меня отправили, – тут он попытался привстать, но я уложил его на место, – за меня не беспокойтесь, если не умер еще, то не умру и впредь.

Меня поразило, что в таком состоянии Билл может думать и строить планы.

– А что случилось? – спросил я, – это все медведь, да?

– У меня улетела шляпа, – начал Билл. – Я остановил коня и пошел назад. Тут откуда не возьмись этот медведь. Лошадь испугалась, встала на дыбы и убежала. Я выстрелил в медведя из револьвера, пару раз, ну что ему сделается? Он набросился на меня, ударил несколько раз, но я успел выхватить нож и воткнул его ему в грудь и шею. Дальше, я видимо потерял сознание.

Мы с Уильямом пожелали Биллу скорого выздоровления и, оставив его с тяжелым сердцем, двинулись дальше.

На обратном пути из Сакраменто на одной из станций, мы узнали про Билла. Выяснилось, что на следующий день, после того как все произошло, его увезли на повозке в Канзас-Сити, где есть несколько приличных больниц. Мы доехали до Сент-Джозефа, и там нас ждало письмо Хикока.

«Дорогие Майк и Чарли!

Рад сообщить, что со мной все в порядке. Надеюсь с вами тоже. Сейчас я в больнице Святого Павла в Канзас-Сити. В связи с моим ранением мистер Рассел дал мне некоторое время на восстановление и после больницы я отправлюсь в Небраску на станцию Рок-Крик, где буду выполнять более легкую работу. Как только все мои ранения окончательно заживут, я сразу же вернусь к выполнению своих обычных обязанностей.

Надеюсь на скорую встречу, Билл»

ГЛАВА III

«Лучше, чтобы тебя судили двенадцать, чем несли четверо» АМЕРИКАНСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Прошло без малого четыре месяца, прежде чем мы вновь увидели Билла. В течение всего этого времени, мы с Майком продолжали раз за разом пересекать пол страны, получая за это неплохие деньги. Билл изредка писал нам из Рок-Крика, но ничего определенного из этих писем мы не узнали. Единственное, что было ясно, это то, что здоровье Хикока значительно улучшилось. И в конце февраля, по возвращению в Сент-Джозеф, нас ждало письмо от Билла. Здесь, я бы хотел немного извиниться за большое количество писем, которое будет в моем повествовании, но мне кажется, что без писем, приведенными мной почти дословно, рассказ о жизни Билла Хикока будет несколько не полным. Тем более письма, играют здесь не малое значение.

«Дорогие Майк и Чарли!

Я уже совершенно здоров и не вижу необходимости более оставаться в Рок-Крике. Поэтому, я буду очень благодарен, если вы приедете сюда за мной. У меня имеются определенные планы по поводу нашей будущей жизни. В Сент-Джозеф я, и скорее всего вы, больше не вернемся, и я прошу вас взять с собой моего коня Леонарда. Отправьте письмо, за день до того, как соберетесь ехать.

Скоро увидимся и удачно вам доехать, Билл»

Мы сделали все, как сказал Билл. Попрощались с мистером Бенджамином Фиклином, который поблагодарил нас за долгое и усердное выполнение тяжелой работы, затем написали Биллу, что получили его письмо и выезжаем к нему с первым же поездом в Небраску.

Чтобы добраться до Рок-Крика нам пришлось несколько раз пересаживаться с поезда на поезд. Больше всего проблем нам доставляли лошади, которым не особо нравились пересадки с одного товарного вагона на другой. В итоге в Рок-Крик мы прибыли на третий день после выезда из Сент-Джозефа. Была поздняя ночь, в купе зашел проводник поезда и сказал, что мы прибыли на станцию Рок-Крик. Выйдя из вагона, мы вывели лошадей и осмотрелись.

Стояли мы совершенно одни на небольшой платформе. В тусклом свете фонарей, был виден ряд грязных лавок, чуть поодаль небольшой дом с остроконечной крышей и массивными вокзальными часами. Позади платформы виднелись силуэты домов.

К нам тут же подбежал заспанный старик носильщик с фонарем.

– Мистер Аттер и мистер Уильямс?

– Да, – удивленно ответил Майк.

Согласитесь, было от чего удивляться. Выходите на маленькой станции в Небраске, а первый попавшийся, и при этом совершенно незнакомый человек называет вас по имени.

– Мистер Хикок просил передать вам, когда вы приедете, что он ждет вас в ближайшем салуне.

Носильщик не соврал. До ближайшего салуна было две минуты ходьбы от станции. Даже издали, в полной темноте, его можно было отличить от других строений по освещенным окнам. В помещении было всего два человека – Хикок и бармен, с которым Билл разговаривал. При виде нашего друга живым и здоровым я невольно улыбнулся, и на душе стало как-то теплее.

Услышав звук открываемых дверей салуна, Хикок повернул голову, и на его лице проступила улыбка.

– Майк, Чарли, черт возьми! Не представляете, как я рад вас видеть!

Мы горячо обнялись и пожали друг другу руки.

– Как ты? – спросил я.

– Просто великолепно! – затем перевел тему.– Как видите, я совершенно правильно рассчитал, что вы приедете сегодняшней ночью. Это очень хорошо, так как поезд на Сент-Луис остановится здесь ровно через шесть часов.

– Сент-Луис? – мы с Майком удивленно переглянулись.

– Да, и об этом давайте поговорим чуть позже.

– Но ты видно, уже все решил за нас, – сказал Майк.

Билл улыбнулся.

– Потом, – медленно проговорил он. А сейчас, я не прочь вздремнуть на пару часов. Гари. У вас есть две свободные комнаты?

– Конечно же, есть, – ответил бармен.

Мои попытки заснуть в ту ночь закончились тем, что в мою комнату зашел Билл и сказал, что пора вставать. Расспрашивать Хикока о чем-либо было бесполезно, так как он твердо решил поговорить с нами в поезде.

Еще не начало светать, как паровоз зашипел, засвистел и медленно тронулся с места. Мы втроем сидели в купе. Майк читал газет месячной давности, которую нашел у себя в номере, Билл раскуривал трубку, а я продолжал пытаться уснуть, откинувшись на сиденье. Не получалось. Тогда я заговорил:

– Так что же все-таки мы забыли в Сент-Луисе, Билл?

Он помедлил немного, попыхивая своей трубкой, затем прямо ответил.

– Я хочу попробовать себя в военном деле. Честно признаюсь, я с самого детства мечтаю стать разведчиком. Лет в четырнадцать прочел несколько книг Кита Карсона и заинтересовался, поставил себе цель превзойти знаменитого американского разведчика. Так вот, в Сент-Луисе я планирую записаться добровольцем в какой-нибудь полк, буду воевать против индейцев, а потом, если останусь жив, займусь чем-то более мирным.

Затем, помолчав немного, добавил.

– Заметьте, я не заставляю и не прошу никого из вас следовать за мной. Я просто предложил, а вы уж решайте сами.

Майк сказал совсем не то, что я ожидал. С усмешкой, он взглянул на Билла.

– Ты сам-то себе веришь?

Я не понял. Хикок видимо тоже.

– В каком смысле?

– В смысле, ты веришь, что сможешь заняться чем-то мирным? Например?

– Открою свою ферму.

– У тебя уже была своя ферма. Напомни-ка мне, сколько ты на ней проработал?

Хикок улыбнулся.

– На свете еще много различных занятий, не требующих кровопролития и серьезных физических усилий.

– Но только не для тебя, сам ведь знаешь. Ты любое, самое мирное занятие, способен превратить в драку с перестрелкой. А что касается твоего предложения, то я сам не против поучаствовать в войне с индейцами, тем более вместе с тобой. Скучно не будет, а? Что ты думаешь по этому поводу, Чарли?

Я всегда был человеком мирным, по крайней мере, мне так кажется, и всерьез брался за оружие, только когда от моего вмешательства зависела чья-либо жизнь. Признаюсь, индейцев я жалел, не понимая бессмысленного кровопролития, которое устраивали американцы, движимые алчностью жадностью и жестокостью. В те годы, когда я еще жил с отцом, я знал одного индейца из племени шайенн. Знал не близко, и хотя мне тогда было не много лет, я понимал, что если дело дойдет до настоящей войны, индейцы ни за что не отдадут свои земли

белым, что они будут защищать их до последней капли крови и отвечать жестокостью на жестокость. Мне было жаль этих смелых людей, и я даже не мог предположить, что мне придется воевать против них.

Однако кроме Майка Уильямса и Дикого Билла Хикока у меня друзей не было. Я не мог подумать, что я бы без них делал, поэтому больше всего на свете я боялся потерять друга. Мысль о войне вызывала у меня неприязнь, но я вдруг на секунду подумал, что если я откажусь, Билл может заподозрить меня в трусости. Все вышеописанные мысли прокрутились у меня в голове за несколько секунд, и на вопрос Майка я непринужденным голосом ответил:

– Да, я тоже не против. Ведь друг без друга нам было бы чертовски невесело!

Итак, дорогой читатель, надеюсь, ты пока не заскучал за моим повествованием, но я прошу набраться терпения и немного подождать описания событий, которые стали главными в жизни Джеймса Батлера Хикока.

Я не писатель, если бы я был им, то события, изложенные мной в этой в этой книге, были бы описаны ярче, красочней, и возможно интересней. Но создавая эту книгу, я делаю сразу три вещи: пишу биографию Билла Хикока, отдаю ему долг уважения и благодарности, а также пытаюсь оправдать его перед всеми, кто считает, что Дикий Билл Хикок бандит и убийца. В этой главе я приведу рассказ Билла о событиях, произошедших с ним в Рок-Крике. Услышав этот рассказ, тогда в поезде, я признаюсь, был немного шокирован. А со следующей главы, вы будете узнавать, при каких обстоятельствах Билл стал известнейшим человеком.

Тем временем поезд набрал ход, продолжая ехать на юго-восток. Уже рассвело, и за окном тянулись бескрайние просторы Великих равнин. Меня бесило, что я никак не мог хотя бы задремать, при этом спать хотелось просто жутко. Отбросив, наконец, все попытки, я тупо уставился в окно. В голову лезли, почему-то не очень хорошие мысли, и я был рад, когда Билл заговорил:

– Мы с отцом и братьями много лет назад были в этой местности, кажется, ездили сюда покупать лошадей. Мне тогда было пятнадцать, или шестнадцать лет.

Для меня это стало неожиданностью, но Майк опередил меня с вопросом:

– С братьями? Ты никогда не говорил, что у тебя есть братья.

Билл задумался.

– Да, – согласился он, – возможно, что и не говорил. У меня их трое и все старше меня: Оливер на семь лет, Лоренцо на пять, а Горас на три. Старшего, Оливера, полтора года назад убили индейцы, я узнал об этом из газет. Горас умудрился сколотить немалое состояние, женился и уехал жить в Канаду. Имеет двоих детей. А Лоренцо сейчас живет в Иллинойсе и содержит ферму, принадлежавшую нашему отцу.

– И как только могло получиться, что за пять лет знакомства с тобой, ты ни разу, даже вскользь не упомянул о том, что у тебя есть братья?

– Ты еще больше удивишься, Майк, узнав, что у меня еще две сестры – Селенда и Лид. Обе младше и том, что сейчас с ними я, к сожалению, не имею ни малейшего понятия. За несколько месяцев до смерти Оливера, они уехали искать счастье на Восточное побережье, быть может сейчас они и в Европе. Что касается братьев, то с Горасом мы не поддерживаем никаких связей, а Лоренцо я видел в последний раз лет, наверное, пять назад. Черт возьми, – добавил Билл, как бы осознав только что сказанное.

Вновь в купе воцарилось молчание.

– Ну, так что ты делал в Рок-Крике? – спросил Майк минут через пять. – Было что-нибудь интересное?

Билл странно усмехнулся, и я сразу понял – интересное было точно. Я ожидал услышать небольшой рассказ, но честное слово, по истории, рассказанной нам тогда Биллом, при большом желании можно написать целый роман.

– Вы знаете, что в Рок-Крик меня послали на более легкую работу. На посту всем заправлял Дэйвид Макканлес, который поставил меня работать на конюшню. Этот сукин сын невзлюбил меня с первого взгляда, клянусь жизнью. Не знаю какого дьявола, вроде ничего такого я ему не сделал, но, в конце концов, это все плохо кончилось только для него самого. На конюшне я работал в меру своих сил, так что в этом плане у Макканлеса не могло быть ко мне никаких претензий. Он постоянно меня обзывал, унижал, пользуясь своей богатой фантазией, придумывал мне разные смешные прозвища. Потом стало еще хуже: при каждом удобном случае Макканлес вызывал меня бороться с ним на людях. Тогда я почти не владел левой рукой, да и вообще, любые резкие движения причиняли мне довольно сильную боль. Поэтому Макканлес всякий раз валил меня на землю без особых усилий. На каждый его вызов побороться я собирался ответить отказом, и согласитесь, у меня были весомые причины, но все чертова гордость и самолюбие не позволяли мне этого сделать. Приходилось терпеть.

Забыл вам сказать, что пост Рок-Крик не принадлежал Пони-Экспрессу. Полноценным хозяином и владельцем поста был Макканлес. Почтовая компания просто платила ему за оказание различных услуг, так же в Рок-Крике находились две почтовые станции маршрута Санта-фе – Сент-Пол. Так вот, спустя три недели после моего приезда в Рок-Крик, Пони-Экспресс выкупил у Макканлеса восточную часть поста. Не знаю, выплатили ли ни всю сумму сразу, или собирались расплачиваться по частям, но я уверен, что мистер Фиклин и мистер Рассел люди честные и не стали бы обманывать, или пытаться сэкономить. Смотрителем в Восточном Рок-Крике компания назначила Гораса Уэлмана, а я остался конюхом. Казалось бы, от подонка Макканлеса я избавился, но нет же. Я познакомился с очаровательной девушкой по имени Сара Шелл, а Макканлес, узнав об этом, под страхом смерти запретил мне к ней приближаться.

– Это потому что мисс Сара Шелл была его женой? – поинтересовался Майк таким тоном, что я чуть не рассмеялся.

– Не совсем так, не женой, а любовницей, – с улыбкой поправил Билл, – хотя жена у Макканлеса тоже была и о более молодой любовнице мужа не знала.

– Все ясно, ты начал бурный роман с Сарой Шелл, чтобы каким-либо хитрым способом отомстить Макканлесу, чьей любовницей она была.

– Отомстить Макканлесу? Честное слово у меня и в мыслях такого не было! – с самым правдивым видом зачем-то стал отпираться Билл. – Просто мисс Шелл по-настоящему привлекательная и обворожительная девушка.

– Если бы я тебя не знал, то охотно бы поверил.

– Ты что Майк, думаешь, я не мог влюбиться в красивую девушку...

– ...которая случайно оказалась любовницей твоего врага, – закончил за него Майк. – Билл, неужели я...

– Да, черт возьми, я хотел как следует отомстить этому ублюдку Макканлесу! Не один уважающий себя мужчина не простил бы таких оскорблений по своему адресу. Я узнал, что Макканлес, будучи женат имеет любовницу с одного ранчо в Западном рок-Крике. Я познакомился с Сарой Шелл и надо сказать, мы довольно быстро с ней поладили. Месть иногда очень сладка, парни!

Скорость, с которой Хикок сумел влюбить в себя мисс Сару Шелл, меня, признаюсь, восхитила.

– Так вот, – продолжал Билл, – в ближайшее время я собирался вызвать Макканлеса на честную дуэль, но подвернулся более удобный случай. Скажу сразу, убивать его я не собирался, просто проучить хорошенько. В один день рано утром мы встретились с Сарой, и она поведала мне, что Макканлес сказал ей накануне, будто бы он собирается разобраться с людьми Пони-Экспресса в Восточном Рок-Крике. К этим людям, как вы понимаете, относились я и Горас Уэлман, потому что почтовая компания все еще с ним не расплатилась. Сара также

добавила, что к Макканлесу вечером пришли двое, его двоюродный брат Джеймс Вудс и один из рабочих Гордон. Все трое долго сидели, что-то обсуждая, а Вудс приготовил оружие.

Вот тут то и начинается самое интересное. Догадаться о дальнейших планах Макканлеса было не трудно. Я пошел к Уэлману и все ему рассказал. Мы, разумеется, подготовились к встрече гостей. Часов около двух следующего дня в доме у Уэлмана было четыре человека: он сам, его жена, я и Сара Шелл. По дороге, ведущей к дому, шли трое. Макканлес направился к задней двери, а остальные пошли во двор. У нас был простой план: миссис Уэлман должна сказать, что ее муж уехал по делам компании. Макканлес, конечно же, не поверит и со своими людьми захочет обыскать дом, но тогда закон будет уже на нашей стороне, а Пони-Экспресс пускай сама разбирается с Макканлесом и его деньгами.

Итак, он подошел к задней двери и постучал. Ему открыла миссис Уэлман.

«Где Уэлман?» – спросил он.

«Уехал по делам компании» – как и полагалось, ответила миссис Уэлман.

Я стоял позади нее, держась в тени, но когда Макканлес стал грубо ругаться, обвиняя миссис Уэлман во лжи, и даже попытался оттолкнуть ее, я выскочил из укрытия с револьвером и встал перед Макканлесом.

«Какого дьявола ты суешься не в свое дело, Хикок?»

«Дела на посту – мои дела, да и к тому же я не собираюсь сносить такое отношение к своим друзьям, коими являются мистер и миссис Уэлман.»

«Не суйся не в свое дело» – повторил Макканлес. «Это касается только меня и Гораса Уэлмана, который, безусловно, прячется сейчас в этом доме, но если хочешь принять участие – выходи, уладим все подобающим образом»

Именно этого я и добивался. Лучшего случая для мести даже представить было нельзя. Однако в эту секунду с другой стороны дома раздались три, или четыре выстрела. Как только я мог забыть про тех двоих, что пришли с Макканлесом? Я развернулся и побежал к парадному входу дома по длинному коридору, а Макканлес через двор. Слава Богу, с Уэлманом все было в порядке. Он стоял около двери и, не поворачивая головы, сказал мне:

«Там двое. Одного я убил или ранил, второй прячется в амбаре».

Я быстро оценил обстановку и спрятался за шторой бокового окна, но так, чтобы мне было видно все, а меня – никому. Через несколько секунд в комнату вошел Макканлес. Я увидел, как он медленно осматривается и прячет оружие.

«Что-то случилось?» – непринужденно и очень спокойно спросил у него Уэлман.

Макканлес побледнел и видимо понял, что попал в серьезное положение.

«Нет, я просто... просто зашел выпить воды».

Ну да! Очень правдоподобно.

«Пожалуйста, вон там стоит графин» – указал Уэлман на стол.

Макканлес подошел к столу и развернулся ко мне спиной. Но этого он не знал. По крайней мере, того, что я прячусь за шторами, иначе не поворачивался. Тут Макканлес сделал резкое движение, в его руке блеснула сталь, и Уэлман бесспорно был бы мертв, но я не стал тратить время и пальнул в Макканлеса три раза, не выходя из своего укрытия прямо через штору. Затем сразу же выскочил и, не опуская револьвера подбежал к нему. Однако больше стрелять не понадобилось. Одна пуля разбила вдребезги стеклянную дверцу шкафа, а две остальные пробили Макканлесу грудь. Он был смертельно ранен. Мне захотелось сказать ему что-нибудь напоследок, но я не стал. Еще два выстрела и разбилось окно. Дом обстреливался с улицы сообщником Макканлеса. Нам с Уэлманом понадобилось около трех минут, чтобы занять удобную позицию и обезвредить его. Насколько я понял, мы его всего лишь ранили.

На следующий день я поехал за адвокатом в Мэрисвилл, а то мало ли что. Все-таки, из троих налетчиков, по-другому их никак не назовешь, мы убили двоих, а одного ранили. Следствие довольно быстро выяснило, что Пони-Экспресс не выплатила Макканлесу треть

суммы. Кстати курьер с деньгами приехал в Рок-Крик на следующий день утром. Не вовремя. Действия Макканлеса и его людей были признаны незаконными, соответственно мы с Уэлманом невиновны.

Собственно говоря, вот вся история, произошедшая со мной в Рок-Крике. Какой урок из этого можно извлечь? Лучше не зли Билла Хиккока и не угрожай его друзьям оружием.

Такую историю нам рассказал Билл. Впоследствии об этих событиях ходило огромное количество разных слухов, начиная более менее правдивыми, и заканчивая совсем уж не вероятными. Говорили, что Билл застрелил трех человек и чуть было не зарезал маленького сына Макканлеса. Говорили, что Хикок с Уэлманом взяли в заложники Саару Шелл, а Макканлес с его людьми собирались ее освободить и героически погибли от рук бандитов. И наконец, самую бредовую версию я прочитал спустя два месяца в газете. Там писали, что Макканлес с девятью сообщниками напал на пост Рок-Крик, чтобы украсть лошадей. Хикок застрелил всех девятерых.

Однако истинную правду вы узнали только что. У вас повернется язык назвать Билла убийцей. Лично у меня нет.

Прибыв в Сент-Луис, мы записались добровольцами в тexasский пограничный батальон, главной задачей которого, был контроль апачей на мексиканской границе. Нас вместе с другими добровольцами должны были командировать в Техас в конце марта – середине апреля. Поэтому, пользуясь тем, что времени предостаточно, Билл решил навестить своего брата Лоренцо, с которым не виделся уже почти пять лет. Он гостил у брата около трех недель и отправил нам в Сент-Луис два письма. Из них мы узнали, что брат принял его хорошо, старые разногласия были забыты. Они ездили охотиться во Флориду, в общем, все было здорово. А когда Хикок вернулся в последний день марта, стало ясно, что мы будем воевать не с индейцами. Гражданская война практически началась.

ГЛАВА IV

«Нет никого, кто делал бы зло ради него самого, но все творят его ради выгоды, или удовольствия, или чести» Ф. БЭЖОН

Бесспорно, рабство, на протяжении всей истории человечества, было одним из главных его недостатков. И как бы то ни было, но в середине XIX века, в одной из самых крупных и развитых стран мира, рабство продолжало процветать. В южные штаты, каждый месяц на пароходах из Африки поступали многотысячные партии негров-рабов. С ними обращались хуже, чем с собаками, ведь главное деньги, которые плантатор получит, когда продаст хлопок, собранный рабами. Не знаю, способен ли человек, который никогда не был рабом, понять все ужасные тяготы их жизни, однако прочитав отрывок из рассказа Соломона Нортэпа, который 12 лет был рабом в штате Луизиана, вы возможно получите об этом некоторое представление:

«Сезон сбора хлопка наступает в конце августа. Каждому рабу дается мешок и корзина для хлопка. Когда нового рабочего посылают в первый раз на плантацию, его подгоняют и заставляют собирать хлопок так быстро, как он может. Вечером его сбор взвешивают и в дальнейшем он должен приносить тот же вес каждый день. Если когда-нибудь вес окажется меньше, то это считается доказательством лени раба и его наказывают хлыстом. Обычная дневная норма составляет двести фунтов.

Рабочие должны быть на плантации с рассвета, и, за исключением десяти минут, когда они могут проглотить свой паёк, им не разрешается быть без дела ни одной минуты, до того времени, когда становится слишком темно, чтобы видеть, а в полнолуние они часто работают до полуночи.

За час до рассвета трубят рог. Рабы встают, готовят завтрак, заполняют тыквенную бутылку водой, берут свой обед из холодного бекона и спешат опять на плантации».

Однако в скором времени противников рабства стало очень много. Одни считали, что рабство замедляет развитие страны, другим было жаль рабов. Начались мелкие восстания против рабства, отношения между севером и югом стали очень натянутыми. А в 1860 году, на выборах, победил республиканец, Авраам Линкольн, которого я не побоюсь назвать одним из самых выдающихся людей девятнадцатого века. И кто знает, как сложилась бы история моей страны, если бы не его скоропостижная смерть. Я видел Линкольна всего один раз, но этого раза мне хватило, чтобы запомнить его на всю жизнь.

Авраам Линкольн был одним из главных сторонников отмены рабства, и поэтому, не дожидаясь того как он вступит на пост президента страны, один из главных штатов, где процветало рабство – Южная Каролина, объявил о своем выходе из состава США. А в феврале 1861 года, еще одиннадцать штатов юга объявили то же самое и провозгласили создание нового государства – Конфедерации Американских Штатов и избрали своим президентом Джефферсона Дейвиса. В марте южане стали формировать свою армию, захватывать федеральные арсеналы. Линкольн до последнего пытается всеми возможными способами уйти от войны, однако когда в апреле войска южан бомбардировали из орудий форт Самптер, находящийся в гавани Чарльстона, он понял, что войны не избежать. Объявив о наборе семидесяти тысяч человек в армию, Линкольн приказал установить морскую блокаду Юга, это было фактически объявлением войны. Гражданская война в США началась.

Война стала вестись на двух фронтах. В 1861 году, основные действия велись на востоке, где Юг значительно превосходил северян по качеству ведения войны, так как многие генералы были уроженцами южной части страны, и как следствие на востоке конфедераты нанесли несколько поражений северянам. А в это же время, на западе, полным ходом шла мобилизация.

Техасский пограничный батальон примкнул к южанам, а тех, кто был записан в него в Сент-Луисе и нас в том числе, определили в армию: в пехоту и в кавалерию.

Нам втроем повезло – мы были зачислены в седьмой кавалерийский полк подполковника Джорджа Армстронга Кастера. Почему повезло? Потому что я до сих пор считаю невероятной удачей, что мы все попали в одно место, ведь при иных обстоятельствах нас могло раскидать по всей стране, и быть может тогда мы бы больше не увидели друг друга живыми.

Я не буду описывать те долгие месяцы, что мы провели в Сент-Луисе, постоянно ожидая новостей с полей сражений. Мы провели там почти год, изредка покидая город для выполнения таких незначительных заданий, как охрана поездов, или колонны с провинцией, оружием и ранеными. Прошел год, прежде чем командование решило бросить в бой нас. Десять кавалерийских полков вышли одновременно, направляясь в город Спрингфилд в Миссури, который по некоторым данным собирались занять войска южан. И сейчас, довольно подробно описав сложившуюся обстановку, я начну описывать события, которые произошли непосредственно с участием нас троих.

Мы с Майком поздно вечером сидели у костра в лагере, который разбила армия в двух милях к западу от города Спрингфилд. Южане, узнав, что десять полков кавалерии спешат на помощь гарнизону города, поспешили отойти на юг, где по данным разведки к ним должно было присоединиться подкрепление: двенадцатитысячная армия под командованием генерала Маккалока.

К костру, появившись очень тихо и внезапно из темноты, подошел Билл. Его было не узнать в форме кавалериста. На голове серая шляпа, на шее повязан шерстяной платок, синяя куртка с медными пуговицами и погонами, голубые штаны с вертикальной желтой полосой, кожаные сапоги до колена, а также белые перчатки – таково было одеяние Билла Хикока.

– С Леонардом все нормально, – были первые его слова – Слава Богу, он просто подвернул ногу. Кстати, только что к нам присоединились три пехотных пажа. Вы не представляете, кого я там встретил!

– Кого же? – спросил я.

– Пойдемте, и сами все увидите. Держу пари, что вы будете просто удивлены.

Мы взяли фонари и пошли по лагерю. Кругом горели костры, слышалось ржание лошадей, привязанных к кольям, вбитым в землю, из палаток постоянно выходили солдаты, что бы узнать, или сообщить какую-нибудь новость.

Вскоре мы очутились в той части лагеря, где свои палатки разбила пехотинцы, только что пришедшие сюда. Добравшись до центра их лагеря, мы остановились у самой большой палатки. Около неё стояло около пяти лошадей, хотя во всем лагере пехоты нам не попалось ни одной.

– Вы к кому? – строго спросил солдат, стоявший у палатки на часах.

– Дружище, я был здесь десять минут назад, – ответил ему Билл. – Иди, позови полковника Вебнера.

Часовой тут же исчез, а Майк с удивлением спросил:

– Вебнер? Тот самый?

– А ты Майк, знаешь еще каких-нибудь Вебнеров?

Тут из палатки вышел хорошо знакомый нам человек, 35 лет с грубыми чертами лица, в военной форме.

– Мистер Аттер, мистер Уильямс, вы не представляете, как я рад вас всех видеть, – сказал Фрэнк Вебнер, пожимая нам руки.

– Не ожидал вас здесь увидеть, – произнес Майк, улыбаясь, так вы действительно полковник?

Вебнер кивнул.

– Черт, но каким образом?

– Я, кажется, рассказывал, что был шерифом в одном городишке, в Вайоминге, там я поймал Гарри Бордьюэлла, мне дали звание лейтенанта. А полковником я стал недавно – я только что с Востока, там, в битве у речки Буш-ран, я с небольшим отрядом три часа удерживал атаки южан. За это я получил чин полковника. Но я совсем не знаю о вас – Билл я слышал только о вас две новости: первую я узнал в Сент-Джозефе, мне сказали, что вас убил медведь, а вторую я узнал из газет. Это правда, что вы застрелили Дейва Макканлеса? Так красочно все описано, не оторвешься!

Тут сзади послышались шаги. Мы обернулись и увидели, как к палатке подходит человек десять. Впереди шел хорошо знакомый всем человек – подполковник Джордж Кастер. Он был очень молод – ему было всего двадцать два года, однако он успел сделать себе головокружительную карьеру, а в прошлом году удостоился необычайной чести для такого молодого офицера – стал командующим седьмого кавалерийского полка. Это был высокий, красивый блондин с длинными волосами и пышными закрученными усами. За ним шла его охрана, состоящая из солдат кавалерии и еще несколько кавалерийских офицеров. Мы отдали Кастеру честь, он осмотрел нас и обратился к Вебнеру.

– Я подполковник Джордж Кастер. С кем имею честь говорить? Я вижу вы офицер пехоты.

– Полковник Франклин Вебнер, сэр, – ответил он.

– Мне нужно увидеть Кёртиса. Он здесь?

– Да сэр.

– Благодарю.

Кастер позвал с собой троих офицеров и проследовал в палатку. Хотя он был моложе всех, было видно, что офицеры слушаются и уважают его.

– Я тоже, пожалуй, пойду, – сказал Вебнер, – мне нужно там быть. Я был очень рад встретиться с вами, надеюсь, что в ближайшее время мы сможем поговорить с вами в более подходящей обстановке.

Мы пожали друг – другу руки, попрощались, и Фрэнк Вебнер пошел к себе, а мы втроём к себе.

Но суета в лагере не стихала ни на минуту.

Прошёл ещё месяц, прежде чем случилось моё первое сражение. Это произошло шестого марта, вблизи от небольшого города на самом севере Арканзаса, Пи-Ридж.

Опишу прежде сцену, на которой предстояло развернуться сражению. Пи-Ридж, городок с тремя улицами, главной достопримечательностью которого является пивная, не имеет к сражению никакого отношения. Местность была довольно, равная, с высокой густой травой, часто попадались деревья, но они были очень низкие и тонкие. Чуть западнее был небольшой лес, находившийся на крутой возвышенности. На окраине леса была небольшая деревня, в которой, по-видимому, проживали лесорубы, так как вокруг деревья были вырублены, а те стволы, что не успели сплавить вниз по реке, летали здесь, мощным нагромождением.

Армия южан вернулась с подкреплением, численность их теперь составляла, около двадцати тысяч, нас было чуть больше.

Первой в бой была брошена пехота, а также два кавалерийских полка, мы же пока оставались в тылу и вместе с остальными устанавливали укрепления, из всего возможного материала, который был у нас под рукой.

Было промозглое весеннее утро, трава была мокрой от росы. Я впервые в жизни испытывал нечто подобное и признаюсь, на душе у меня был страх. Солнце не показывалось из-за туч, все пространство вокруг меня было в дыму, трещали винтовки, и я вздрагивал после

каждого пушечного выстрела. Но больше всего я страшился той минуты, а я был уверен, что она рано или поздно настанет, когда наш полк должен будет вступить в сражение. Однако как всегда бывает в трудную минуту, я посмотрел на Билла, и мне сделалось немного легче.

Мы рыли землю руками, кто-то лопатами, делая мощные земляные насыпи на случай прорыва южан. Белые перчатки превратились в чёрные, шляпу я потерял.

Около полудня нас сменил другой полк, и мы получили возможность передохнуть и узнать, как обстоят дела.

С запада на восток, сражение растянулось почти на 3 мили. На востоке и в центре нашим удалось потеснить южан, однако на западе наша пехота была помята и отброшена. Южане имели весомый перевес в оружии, особенно в пушках, и тактически были более грамотны, так как ими руководили два великолепных полководца, генералы Маккалок и Прайс.

В два часа дня, с пехотой, прибыл Вебнер, которому было приказано отступить. Я очень обрадовался, когда увидел его живым. Вебнер направился сразу к генералу Кёртису, который вместе с Кастером руководил нашими войсками в этом сражении. Я видел их обоих: Кертис стоял с биноклем, и внимательно наблюдал за ходом битвы, Кастер же был очень активен, постоянно был в движении и отдавал приказания. После того как все трое переговорили, Вебнер и Кастер подошли к Биллу.

Тот поднялся с земли и отдал честь. Первым заговорил Вебнер.

– Мистер Хикок, я только что рассказал подполковнику Кастеру, о том, что вы очень храбрый человек и прекрасный стрелок. Так же я сказал, что вам можно доверять и вас можно отправить на трудное, очень важное и опасное задание. Думаю я прав, относительно вас?

– Бесспорно. Я сделаю всё, что от меня потребуется.

– В таком, – сказал Вебнер, – я ручаюсь за этого человека, Кастер.

Тот кивнул и позвал человека, который сидел у палатки со скучающим видом.

– Это ваш напарник, мистер Кортрайт, – сказал Кастеру, обращаясь к подошедшему.

Кортрайт был человеком среднего роста, нормального телосложения, загорелый, чертами лица он чем-то напоминал Наполеона I. Одет он был не по военному; на нем была шляпа, надвинутая на лоб, короткое чёрное пальто, поношенные чёрные брюки.

– А может быть наоборот? – спросил Билл, глядя прямо в глаза Кастеру.

– Что наоборот? – непонимающе спросил тот.

– То, что это мистер Кортрайт дан мне в напарники, а не я ему?

Реакция на вопрос, заданный Биллом была у всех разная. Джорджа Кастера я ни до, ни после этого, не видел таким растерянным. Кортрайт, взглянул на Хикока, каким-то странным взглядом исподлобья, слегка нахмурив брови. Лицо Вебнера было как всегда непроницаемым, но я могу поклясться, что в тот момент на нём была еле уловимая улыбка. У Майка выражение лица было такое, что казалось ему страсть как хочется запустить в Билла чем-нибудь тяжелым.

– Чертов спорщик, – пробормотал он.

Сложившуюся тишину нарушил Вебнер, пытаясь разрядить обстановку.

– Мистер Кортрайт один из лучших разведчиков в стране, Билл, зря ты так.

Я ожидал, что Хикок сейчас еще что-нибудь скажет, но спас обстановку, прибежавший с докладом к Кастеру лейтенант.

– Сэр, – запыхавшимся голосом начал он, – левый флот просто кошмар, сил сдерживать атаки, больше нет.

Кастер ничего не ответил, глаза у него загорелись. Следующие слова были таковы:

– Седьмой кавалерийский полк, по лошадям, мы вступаем в бой, всем следовать за мной, цель – отбросить противника и занять левый фланг, – затем более тихим голосом добавил, обращаясь к Вебнеру, – полковник, объясните еще раз этим двоим о цели их вылазки.

Руки у меня дрожали. Я, не вполне осознавая то, что делаю я, подошел к своему коню. Полк мгновенно оседлал лошадей; кто-то быстрее, кто-то медленнее, все оказывались в седле

и тут же направляли своих лошадей галопом, вслед за Кастером и остальными. Я посмотрел на Билла. Он разговаривал с Вебнером, рядом стоял Кортрайт. Хикок почувствовал на себе мой взгляд, обернулся и крикнул:

– Удачи, Аттер!

Я выдавил из себя улыбку, махнул ему рукой и вслед за всеми направил коня в самую гущу боя.

Хоть мне тогда было немного лет, но в силу сложившихся обстоятельств за свою жизнь мне довелось несколько раз видеть трупы, и при их виде я не проявлял признаков милосердия, однако в этот день все было по-иному.

Я как-то слышал, что некоторые люди при виде одного мертвого тела падали в обморок, не могли есть по несколько дней, испытывали необычайное чувство жалости, а когда они попадали на войну, то не обращали внимания на сотни трупов и не испытывали к ним ровных никаких чувств, ввиду их большой численности. Я рискнул отнести эти слухи к красиво выдуманному байкам, однако когда я увидел, что все поле усеяно ранеными, умирающими и мертвыми, меня окатила сначала волна жалости ко всем этим людям, а затем ко мне пришло чувство тупой безразличности и равнодушия ко всему. Страх ушел, и я перестал ждать, что в меня вот-вот попадет пуля. Я снял с плеча винчестер, отпустил узду лошади и разрядил все патроны в ту сторону, где находились солдаты Конфедерации. Впрочем, не думаю, что я в кого-нибудь попал, однако мне очень повезло, что я не свалился с коня, ведь это было бы равносильно смерти. Так же мне повезло, что я оказался в конце строя, где было несколько безопаснее, чем в начале, хотя и не намного. В трех метрах от меня разорвался пушечный снаряд, подбросив всадника вместе с лошастью метра на два вверх. Меня обдало волной горячего воздуха. Какой-то конфедерат подскочил ко мне, собираясь стрелять, но я уложил его выстрелом из револьвера, прежде чем он сам нажал на курок.

Вскоре стало ясно, что преимущество склоняется в нашу сторону. Южане скоро стали отступать, неся большие потери, и стало заметно, что в их рядах началась суеда и паника.

Задача кавалерии была выполнена, левый фланг был занят, и нам было приказано отступить. Наше место заняли пехотинцы, которым было велено удерживать позицию на левом фланге.

Мы возвратились в тыл. Я привязал к колу своего коня и стал озираться по сторонам. Довольно быстро я нашел Уильямса. Он был жив и не ранен. Майк подошел ко мне и, похлопав по плечу спросил:

– Ну как ты, Чарли?

– Да, все отлично, Майк, – ответил я, хотя это было гнусной ложью. Когда я слез с коня, то почувствовал, что еле стою на ногах, руки у меня слегка дрожали, я, почему то начал икать.

– Ты не видел Билла? – спросил я, чтобы хоть как-то отвлечься.

– Нет, не видел. Пойдем к Вебнеру, там узнаем что-нибудь.

Мы поднялись на холм. Сражение мало по малу начало стихать. Выстрелы постепенно смолкали, дым рассеивался, а наши отряды постепенно стекались в тыл.

Вебнер стоял с биноклем, пристально глядя вдаль, рядом стоял подполковник Кастер с перевязанной рукой. Мы подошли поближе. Вебнер оторвался от бинокля и тогда они с Кастером увидели нас.

– Это вы! – обрадовался Вебнер. – Очень рад вас видеть! Думаю, вы не слышали – у нас великолепные новости. Только что принесли донесение: генерал Конфедерации Маккалок убит, их потери около восьми тысяч. В данный момент они окопались и об атаке даже не думают.

– Замечательно, не правда ли? – подхватил Кастер.

– Да, сэр, – отозвался Майк. – Но нам с Аттером хотелось бы знать, что с Биллом Хикоком и мистером Кортрайтом. Вы, кажется, послали их на задание?

– У нас самих к ним накопилась куча вопросов, и мы с генералом Кертисом ждем их с нетерпением, – ответил Кастер.

Мы с Майком переглянулись. Вебнер, поймав наши удивленные взгляды спокойно ответил:

– Хикоку и Корттрайту было дано определенное задание, но они, кажется, его перевыполнили.

Это было абсолютно в духе Билла; что-что, а самодеятельность он любил.

Долго ждать себя они нас не заставили. Билл с Корттрайтом пришли бесшумно, их появление осталось ни кем не замечено.

Корттрайт сразу пошел к Кастеру, а Билл к нам.

– Где вы были с этим Корттрайтом? – спросил Майк. – Все говорят, что вы там устроили какой-то переполох. Это правда?

– Да, правда, – ответил он, – и этот Корттрайт недурной парень. Немного похож на тебя Майк.

– Чем?

– Он считает меня сумасшедшим.

Больше мы ничего от Билла не узнали. Узнали же мы о том, что сделали Хикок с Корттрайтом только вечером только вечером.

Около восьми часов в главной палатке собрались все офицеры. Хикок был там же. Из палатки то и дело доносился громкий смех. Около половины девятого оттуда вышел Вебнер. Мы тут же поспешили к нему.

– Билл рассказал, что они сделали? – спросил я.

– Нет, Билл не рассказал. Зато рассказал Корттрайт, – с этими словами Вебнер закурил трубку.

– А кто он все-таки такой? – поинтересовался я.

– Тимоти Корттрайт, или как его еще называют Большой Джим – разведчик. Я о нем мало знаю. Ему двадцать пять лет, родился в Техасе, воевал с мексиканцами. Несколько лет назад поступил в разведку и, воюя с индейцами, заслужил себе репутацию первоклассного разведчика.

– А что он все-таки рассказал?

Вебнер выпустил изо рта большой клуб дыма.

– Это уже интереснее. В общем им было приказано посмотреть обстановку в лагере южан, и по возможности узнать их дальнейшие планы. Они обошли сражение с запада по возвышенности. Там им открылся вид на окопы южан и их лагерь. Корттрайт сделал рисунки, все записал и уже собрался идти назад, однако Хикоку этого показалось мало, и он предложил Большому Джиму одну идею. Они спрятались за кучей бревен, лежавших неподалеку, и Биллу показался чрезвычайно забавным тот факт, что вражеский лагерь лежит перед ними, как на ладони. Не знаю, о чем они оба думали, но они взяли в руки винчестеры, и тридцать шесть раз нажав на курок, они уложили тридцать шесть конфедератов. А когда те поняли, что в них стреляет снайпер, обнаружили, где сидят Хикок с Большим Джимом и собирались обстрелять их из пушек, Хикок еще одним блестящим выстрелом отправил на тот свет генерала Маккалока. Далее они с Корттрайтом, не имея ни желания, ни надобности задерживаться более, быстро ушли оттуда. При потере генерала конфедераты тут же отступили. Сейчас они сидят в окопах и Видимо собирают силы. Около их укреплений дежурят несколько наших батальонов, на случай если южане предпримут вылазку. А утром наши батареи откроют по южанам огонь. Надеюсь, скоро победа будет за нами.

Вебнер оказался прав. Наутро полсотни наших пушек, которые за ночь были подвезены как можно ближе к позициям южан, открыли по ним страшный огонь. Затем начался ожесто-

ченный бой, в котором мы собирались одержать полную победу. Были задействованы все имеющиеся у нас силы, в том числе и наш полк.

Восьмого марта войско Конфедерации были окончательно разбито. Генерал Прайс был взят нами плен. Победа союзных войск у Пи-Риджа стала первой в 1862 году и практически обеспечила дальнейшее господство Севера на Западном фронте.

Кортрайт и Хикок купались в лучах славы. Когда распространилась новость о том, чья вылазка во многом предопределила исход сражения, Большой Джим и Билл стали очень известными и уважаемыми людьми. Хикок вообще был чуть ли не самым узнаваемым человеком в лагере. Кастер пообещал ему чин лейтенанта и вскоре выполнил свое обещание.

Через некоторое время до нас дошли новости, что морской десант Севера захватил крупнейший город Юга – Новый Орлеан.

Десять полков кавалерии и три пехотных полка в конце марта соединились с армией генерала Улисса Гранта и направились на юго-восток к городу Мемфис, где в конце марта произошло еще одно сражение с нашим участием.

ГЛАВА V

Сейчас, в начале двадцатого века, появляется все больше баек о подвигах Дикого Билла Хиккока в Гражданской Войне. Я опишу чуть позже, как берутся такие байки, которые появляются вокруг любого, хоть сколько-нибудь известного человека.

Я много раз слышал, что именно Билл Хикок заманил в союзный лагерь Победоносного Медведя – одного из вождей сиу, примкнувшего к южанам в годы войны, и убил его там, однако когда совершалось убийство Медведя, Хиккока даже в этом штате не было, не говоря уже обо всем прочем.

Также говорили, что во время одного из сражений Хикок попал в толпу конфедератов, убил их целую кучу, а сам при это не получил ни царапины. Несомненно, Билл Хикок был в некоторой степени человеком выдающимся, однако у всего на свете есть предел, и думаю, что в эту байку не поверит даже самый яростный поклонник сверхъестественных явлений.

Однако кроме этих героических подвигов, сочиненных одним знакомым мне человеком, ходили еще и неприятные истории. Одна из них заключалась в следующем: когда союзная армия проходила через один маленький гок в штате Миссисипи, какой-то старик высунулся из окна и крикнул: «Ура Джеффу Дейвису!», тогда Билл достал револьвер и убил старика, не слезая с лошади. Именно чтобы опровергнуть такую грязную ложь я взялся писать эту книгу и теперь я продолжу изложение тех событий, правдивость которых, не подлнжит сомнению, так как они происходили у меня на глазах.

Билл, как я уже сказал, получил чин лейтенанта и из кавалерии был зачислен в разведку. Кастер, который в скором времени стал генералом, был от Хиккока в восторге и в своей автобиографии вспоминал о нем только лестными словами и писал следующее: «Действовал ли он пешим, или верхом, он всегда являл собой один из образчиков мужества, какие мне вообще известны. О его храбрости не стоит даже упомянуть. Его владение винтовкой, или пистолетом – безупречно. Его манера держать себя была напрочь лишина показной бравады. Он говорил о себе только, когда его об этом просили. В своей речи он никогда не переступал границы, избегая вульгарности и грубой ругани. Его влияние на людей было безграничным, его мнение было законом и немало словестных перепалок и стычек были прекращены одной его фразой: „Это уже зашло далеко“. А если этого было мало, то он обещал, что смутьян будет непременно иметь дело с ним лично, и тогда уже всякий успокаивался».

От себя добавлю лишь то, что Хикок и Кастер сдружились, были с друг с другом на «ты», и я помню даже как Кастер, который правда был младше, но все же, генерал Кастер, обращался к Биллу Хикоку за советом.

Ну а мы с Майком Уильямсом, в свою очередь подружились с Большим Джимом Кортрайтом. Это был веселый парень с очень редким чувством юмора. Они с Биллом были очень похожи, однако одновременно и сильно друг от друга отличались. Они оба были отчаянные сорвиголовы, оба храбрые и благородные люди, однако Хикок был очень легковозбудимым человеком, что касается Кортрайта, я просто не знаю, что нужно было делать, чтобы вывести его из себя. Кортрайт, в отличие от Билла предпочитал тихое одиночество, не любил быть в центре внимания.

В сражении при Мемфисе, в котором нам с Майком и Биллом довелось участвовать, Хикок удостоился аудиенции генерала Гранта, впоследствии ставшего одним из героев Гражданской войны. Это произошло в самый разгар сражения. Нашему полку во главе с Кастером предстояло вступить в бой чуть позже чем все остальные. Билла с Большим Джимом позвал Кастер, сказав, что у генерала Гранта есть план, в котором имеется задание для разведчиков.

Когда Хикок был у генерала Гранта, седьмой кавалерийский полк вступил в сражение. Мы прорвали укрепления и заняли штаб войск Конфедерации. Он был стратегически очень

удобен, и Кастер решил сделать его своим собственным штабом. Позднее я вызвался доставить, точно не помню какие сведения, генералу Гранту от Кастера, штаб которого находился в миле от только что занятого нами, а Кастер будучи близко знаком с Бллом, знал и меня, поэтому без раздумий доверил мне это поручение. Я добрался до штаба Гранта без происшествий и передал ему то, что было нужно. Однако Билла я уже не застал. Возвращаться к Кастеру не было необходимости и я решил дожидаться Хикока и Кортрайта. Проходил час за часом, а они все не возвращались. Ожесточенный бой постепенно стихал, так как постепенно сгущалась темнота. С каждым часом мне становилось все тревожней за Билла. Я вглядывался в темноту, но ничего не мог разглядеть. Стало клонить в сон, но я не мог уснуть, волнуясь за друга.

К моему облегчению Билл и Кортрайт вернулись около четырех часов утра, когда уже начинало светать. Я сквозь дремоту увидел силуэты, подходящие к штабу генерала Гранта, которым ему служил небольшой заброшенный дом у железнодорожных путей. Тут мне послышался голос часового:

– Кто идет?

– Кортрайт, – ответил один из пришедших.

– Пароль?

– Пароль меняется в полночь, – ответил Хикок, – мы ушли гораздо раньше. Зовите генерала, иначе мы пройдем сами!

Я поднялся с места чувствуя, что запахло ссорой. Но тут часовой сказал:

– А, простите сэр, я вас узнал. Кажется я видел вас сегодня в лагере.

Я подошел к ним. Билл и Большой Джим повернулись. Кортрайт улыбнулся, как мне показалось с трудом, а Хикок кивнул головой, в знак приветствия.

Тут в дверях штаба показался генерал Улисс Грант вместе со своей охраной. По внешности он немного напоминал мне Майка, только Грант был чуточку повыше.

– Что здесь за шум?

Затем он вдруг увидел Кортрайта и Билла, лицо его напряглось и он произнес, пристально вглядываясь в них обоих:

– Пройдем те со мной.

Грант зашел в дом, Билл и Джим прошли за ним, причем я заметил, что последний слегка хромал.

Дверь за ними закрылась и наступила полная тишина. Первым ее нарушил часовой:

– Вы их знаете?

– Да, довольно неплохо.

– Кто это?

– Долго объяснять. В данный момент разведчики.

– А этот, который с усами, нагловатый тип.

– Наверное, в некоторой степени, – сказал я улыбувшись.

– Да, я его только поэтому сейчас узнал, – продолжил часовой, – он кажется, больше всего на свете любит спорить. Давно вы его знаете?

– Почти три года.

Часовой достал портсигар и две папиросы.

– Будите?

– Да, не отказался бы, – сказал я, взяв папиросу.

– Я Джон, – сказал часовой, протягивая руку. – Ужасно скучно здесь целую ночь стоять.

Поговорить не с кем.

– Чарли, – ответил я. – Понимаю вас.

– Вы из кавалерии?

– Да. Седьмой кавалерийский полк.

Я достал спички и прикурил. Было половина пятого. На востоке у самого горизонта забрезжил слабый розоватый свет, прежевещающий, что до рассвета осталось совсем мало времени. Послышались отдаленные пушечные выстрелы, видимо, кто-то неожиданно перешел в наступление. Мы молча сидели и думали, каждый о своем. Тут из штаба вышел Билл, надевая свою любимую шляпу.

– Вы можете идти отдыхать, – сказал он часовому. – Я вас заменю.

– Прошу прощения, сэр, – возразил тот, – но я дежурю до семи часов.

Хикок хмыкнул.

– И что? Считайте вам повезло. Идите отдыхайте.

Часовой ушел, что-то бормоча себе под нос. Хикок молча облокотился на деревянную стену, залез в карман, затем в другой и с разочарованным видом произнес:

– Вот черт! Кажется я потерял свою любимую трубку! У тебя есть курить, Чарли.

– Нет.

– Плохо. А где Уильямс?

– Он остался с Кастером. Ну а что все-таки произошло с тобой и Кортрайтом? Куда вас Грант посылал? – с любопытством спросил я.

Билл поджал губы.

– Немогу тебе сказать, Чарли, – сказал он, не отводя от моего лица взгляда, – военная тайна, да и к тому же, ты же знаешь, что из меня рассказчик не очень.

Тут дверь открылась, и из штаба вышел Большой Джим.

– Куда же подевалось твое красноречие, Билл? Вместе с трубкой что ли потерял?

Билл удивленно посмотрел на Кортрайта, а тот улыбнувшись, кинул ему его трубку, достав ее из кармана брюк.

– В преть, будь внимательнее, Билл.

– Когда я ее выронил?

– Думаешь я на часы смотрел?

Хикок улыбнулся.

– Кто тебя знает, Джим. Как твоя нога, кстати?

Я глянул на ноги Кортрайту. Штанина левой ноги была вся пропитана кровью, чуть выше колена.

– До ближайшего перевязочного пункта две мили. Я не вижу смысла ехать туда. Рана пустяковая.

– Может все-таки расскажете мне о том, где были? – спросил я, не сдержавшись.

Кортрайт и Хикок переглянулись.

– Я думаю. Билл, – начал Джим, – что не будет ничего страшного, если мы расскажем Чарльзу обо всем в общих чертах, не вдаваясь в подробности.

Билл слегка задумался, но затем произнес:

– Пожалуй, ты прав, Джим.

Он сел на ступеньки, дымя трубкой и добавил:

– Если тебе так интересно, Чарли...

– Еще бы ему было не интересно, – сказал Кортрайт. – Ведь насколько я понимаю, ты специально пришел сюда, чтобы дожидаться нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.